

Мы не забудем тебя...

Не стало Галины Антоновны Шпак. Тяжелая болезнь вырвала ее из наших рядов, и к этому очень трудно привыкнуть.

Ровно 42 года Галина Антоновна самоотверженно трудилась в газете, ныне именуемой «Наука в Сибири» («За науку в Сибири» — морально устарело). Безусловно, иметь в своем штате эту самобытную, талантливую журналистку сочла бы за честь любая газета. Многие центральные и региональные издания заказывали ей материалы и с удовольствием печатали.

Но Галина Антоновна была бесконечно преданна именно научной газете Сибирского отделения. В любую погоду, в самые жестокие морозы она ехала из города в Академгородок, чтобы пойти в институт за очередным материалом, встретиться с автором. Приходила всегда с горящими глазами: «Статья будет — пуля!»

Сколько таких «пуль» было отлито ею! Она досконально разбиралась в самых сложных темах и талантливо излагала научные про-

блемы печатным словом. Г.А. Шпак помогала Сибирскому отделению в популяризации знаний и достижений академических институтов.

Член Союза писателей, член Союза журналистов, она не раз была отмечена творческими премиями. Если собрать все ее материалы, опубликованные на страницах нашей научной газеты, получится многотомное собрание сочинений.

Ярким, искренним, добрым и отзывчивым человеком была наша дорогая Галина Антоновна. Нам очень плохо без нее сейчас. Конечно, боль со временем притупится. Но помнить мы будем всегда — веселые искорки в ее глазах, когда она, артистка по профессии, рассказывала о тех нестандартных ситуациях, что приключались с ней в командировках, о том, как басом пела любимый романс «Окрасился месяц багрянцем...», как первой устремлялась на помощь... И вспоминать, вспоминать...

Коллектив газет «Наука в Сибири»

Снег под ногами хрустит светло и звонко, как только что разбившийся хрусталь. Я иду из церкви, где поставила поминальную свечу. А в это самое время мою Галю предают кремации. И от нее, всегда живой и настоящей, всегда готовой воспламениться от осевшей ее идеи, мысли, ассоциации, от неожиданно пришедшего слова, ритма, образа — от такой Галки останется крошечная горстка пепла. Это был ее выбор. Как всегда, она выбрала Огонь. Огонь — но не тление!

Пролиты первые слезы, их будет еще много и много, но вместе с тем все явственнее у самого сердца стучится тихий вопрос: а что ты сделал для того, чтобы этого не случилось? Да, против законов природы не пойдешь — но хотя бы еще немножко, хотя бы попробовать успеть сделать для любимого человека что-то главное, важное, на что никогда раньше не хватало времени; а вдруг этого-то — слова, жеста, поступка — как раз и не хватило, чтобы, если не остановить, то, по край-

ней мере, отодвинуть этот роковой час. Уход близкого, дорогого человека всегда несет в себе урок — для тех, кто остаётся, и делает их лучше. Спасибо, Галя, что напомнила нам эту непреходящую истину.

Не устану благодарить тебя за другие уроки, которые мы получали от тебя в жизни, в работе в самой лучшей газете Мира — «За науку в Сибири», где мне посчастливилось познакомиться с крутым и бескомпромиссным стилистом Галиной Антоновной Шпак. Наши сражения на редакционных летучках носили подчас жесточайший характер. В поле зрения нашего неподкупного критика попадало все, что не делало чести ни единственной в ту пору научной газете, ни журналисту, ее представляющему. Температура этих сражений была настолько высока, что наша редакционная машинистка, не видевшая ничего подобного в тихих райисполкомовских кабинетах, где прежде работала, густо краснела, а ее пылающие недо-

умением глаза металась из стороны в сторону, с одного спорщика на другого. В конце концов она сбегала в свою рабочую комнату, а когда возвращалась назад, изумление ее было еще более беспредельным: мы, которые полчаса назад готовы были выпить друг другу в волосы, весело распивали чай и были счастливы видеть друг друга.

Где бы мне ни приходилось работать в моей непоседливой жизни, лучшей редакции я нигде не нашла. Да я и не искала лучшей. Это как всякая любовь. Она — единственная и на всю жизнь, и уже совсем не важно, почему.

Я все думала, что вернуться в ту потрясающую атмосферу, которую мы генерировали под неусыпным творческим контролем Гали Шпак, но вернуться в прошлое невозможно, и потому я вместе с Андреем Алябьевым с нетерпением ждала свою Галку — и в Ташкенте, и в Питере, а потом ждали печать этих ее визитов в стихах, в книгах. Она писала: «Стишата лезли со страш-

ной силой. Возможно, импровизации несколько снижают их «весомость», и уж слишком все это молодо и азартно, но я ничего поделать не могу — молодость так и прёт — ничего себе старушка!» (2007 г.)

Какая честь получить только что вышедшие из типографии «600 граммов стихов»: «Я захлопнула свой XX век. Работы выше головы, но и стихи пишутся».

Уж чего-чего, а работы выше головы у нее было всегда. В наших редких телефонных переговорах в последние месяцы она жаловалась и радовалась одновременно — ее буквально одолевают стихи, не хватает времени их записывать. Стихи словно торопились выйти на белый свет, как бы боясь не успеть. Как она сказала, ей нужно еще два года. Только два года. Целых два года, чтобы сказать что-то последнее, что-то самое важное. Как жаль, как жаль...

Ирина Алябьева, сотрудник газеты в 1971—1980 гг.

Эпиграф к сборнику «Контрасты»
 Что можно, что нельзя — какой тебе резон?
 Ещё какая выдалась эпоха!
 Кирпичной кладкой закрывают горизонт.
 Смотри перед собой, — увидишь бога
 Забытых богом книг — читателя и он,
 как Пушкин мчит на лихом Пегасе,
 Пусть нарисованный, чтоб не бросало в сон,
 Когда светило дневное погаснет.

Переключка
 Я не знаю, что будет со мной.
 И, выпрыгивая в неизвестность,
 Разгораются звезды зимой,
 И дождями — на нашу окрестность —
 Звездный дождь, новогодняя блажь
 Мишуры, заблестели планеты.
 Кто там прячется в рыцарский плащ?
 Задрожали на шпиге ответы,
 И разбились игрушки-шары.
 В горле холод колючий шампанский,
 Городские двоились миры,
 И по улице шепот гигантский, —
 Запах пихты и елки — сосны.
 Новогодняя ночь миловидна,
 Охраняет от взглядов косых, —
 Город светится, как Леониды.

Кубики льда
 Когда целуют в лоб — я холодею.
 Душа горит — сознайся: дожидая
 До той поры свободного падения, —
 Еще чуть-чуть и догоришь дотла.
 И никакие царственные речи
 Меня не тронут, и не восхвалит:
 «Любовь, любви...» любовью станут реки,
 Текущие на север. Этот край
 Большого солнца и больших соблазнов,
 Слепящих льдов и непроглядной тьмы,
 Всегда для всех навечно безотказный,
 Как мир иной, куда боимся мы
 Уйти совсем и не вернуться больше,
 Замкнется круг — большой меридиан,
 Откуда-то возьмется слово божье —
 Целует Ледовитый океан.

Огородное
 Блажен, кто верует! Блажим —
 Высотный огород на собственных балконах.
 И зеленей, — чем выше этажи, —
 Укроп и сельдерей и листья патиссонов.
 Торчит лучок, приправленный свинцом,
 Висят закрученные усики фасоли —
 Знай — поливай, не думай ни о чем,
 И никаких там государственных конסелей —
 Ни срочных-долгосрочных. Сам себе
 Хозяин-барин на плите крупнопанельной.

И удивляешься своей судьбе —
 Открыть бы кран еще для речки, полной нельмы!
 Сюжет знакомый? Боже упаси, —
 Не плагиат, но совпадение деталей.
 И я стараюсь из последних сил,
 Как «Маха» в неглиже, роскошная «Даная»,
 Всё для тебя, далекий милый мой.
 Я не сержусь, — ты прав, — я бывшая артистка.
 Нет, не с тобой на сцене под луной
 Стояла девочка строптивая в батистах.
 (Теперь не носят и фасон другой)
 И если снова позовут меня на сцену, —
 Я выйду и рассыплюсь, как фасоль, —
 В поклонах публике и, набивая цену,
 Домашней зелени и ерунде,
 Скажу, как на духу, — в коробке было дело
 И в рукописях в дождевой воде...
 Захочешь, — приезжай и на девятый — смело!
 Я буду ждать тебя, как девять Муз
 Еще не ждали никого! Подумай, братец!
 А на стихах моих лежит арбуз.
 Разрежу пополам — три солнца на закате.

Забывтое домашнее-2
 Я совсем освободилась
 От зависимости страшной
 Молодой звериной хватки —
 Прикоснешься — заискрит.
 И раскачивалась башня
 Бесшабашная не в Пизе,
 А во мне самой разгадка,
 Если кто-то в корень зрит.
 Эта вечная погоня
 В темноте — ни зги не видно,
 Затуманенные смыслы —
 Ясность жизни на виду.
 И душа звучала флейтой.
 С неба падали болиды,
 Покидали город крысы —
 Чували мою беду.
 Где легко — такая тяжесть,
 И не веришь — вот удача.
 Где светло — ослепнешь тут же
 От великого стыда.
 Я была во сне незрячей
 И за пазухой у мужа
 Нежилась и слишком долго,
 Думала, что навсегда.
 Где найдешь, там потеряешь.
 Я совсем освободилась,
 А свобода, как погода,
 Переменчива! Так что ж,
 Мне надеяться на милость?
 Но она такого рода, —
 Отразится черной точкой,
 Вот тогда и запоешь.

Галина Шпак.
 Из сборника
 «Контрасты», 2006 г.

Коллектив Института горного дела СО РАН глубоко скорбит по поводу кончины

Галины Антоновны Шпак

Всегда на острие событий, грамотная, прекрасно ориентированная во многих сферах научных исследований, требовательная к себе и к людям, высокоинтеллектуальная, творчески одаренная, Галина Антоновна долгое время украшала «Науку в Сибири» своими меткими и злободневными статьями. Много времени посвятила она общению с учеными-горняками, постигая тонкости горной науки, оповещая читателей о наших нелегких проблемах.

Светлая память о Галине Антоновне сохранится в сердцах единомышленников и благодарных читателей.

Дирекция Института горного дела СО РАН

De mortuis aut bene, aut nihil

Эту латинскую фразу в русском пересказе повторяют на каждом углу при мало-мальски подходящем случае. Удобный способ продемонстрировать свою гуманитарную образованность и подчеркнуть высокий аристократизм безупречных моральных принципов. К сожалению, точную рекомендацию древних «о мертвых либо хорошо, либо ничего» в наше время принято толковать расширительно, далеко выходя за границы мудрости.

Каждый ушедший человек с легкостью получает от нас белую или черную метку. Бельесть в России принято сочетать с пушистостью и считать явным признаком хорошесть. Обелять — значит оправдывать. Говорить плохое — значит чернить. Людей с черной меткой принято не упоминать вовсе, а остальных мы хвалим без устали и меры.

Разве этому учит нас мудрость предков? Конечно, нет. Говорить хорошо — не значит обелять или чернить. Ложь всегда нехороша и часто омерзительна. Ложь во спасение может быть оправдана в известных обстоятельствах, но хорошей от этого не становится. Хорошо — это прежде всего правдиво.

Факт синонимичен реальному событию, но факт — виртуальному или вымышленному. Факты не бывают мертвыми. Не бывает мертвыми поступки и решения. Приличные люди факты констатируют, ищут и принимают во внимание. Неприличные — факты игнорируют, искажают и подтасовывают. Типичный прием искажения фактов — персонализация исторических событий. Кутузов не выиграл Отечественную войну 1812 года, а Жуков не выиграл Великую Отечественную войну. Столь же ложны отрицания этих суждений. Можно возразить: «Как же так? Высказывание либо истинно, либо ложно!».

Дело в том, что дихотомичность относится к правильно построенным суждениям. Приведенные выше высказывания таковыми просто не являются. К ним дилемма «истинно или ложно» не применима.

13 декабря 2009 г. скончался Польш Антони Самуэльсон — гигант экономической науки XX века, первый американский Нобелевский лауреат по экономике. «Экономика» Самуэльсона — самый востребованный учебник в США. Этот мировой бестселлер переведен на двадцать языков, число его годовых продаж держится на уровне 50000 экземпляров в год уже полвека. Человек яркого и парадоксального мышления, Самуэльсон вошел в великую когорту классиков, менявших парадигмы экономической науки и практической экономики. Как водится, кончина Самуэльсона мало задела российскую прессу.

16 декабря 2009 г. скончался Егор Тимурович Гайдар, прошедший путь от сотрудника «Правды» и «Коммуниста» до исполняющего обязанности Председателя Правительства с 15 июня по 15 декабря 1992 г. Гайдар — ключевая фигура времен шоковой терапии в России. Как водится, в отечественной прессе кончина Гайдара вызвала широчайшую волну полярных суждений от «великий реформатор и экономист» до «он способствовал развалу страны и переходу ее в состояние хаоса».

Уход людей из жизни — трагедия для их близких. Для посторонних — это просто перевод персонажей из разряда смертных в разряд mortuis. Ушедшие достойны правды. Что важнее — правды достойны живущие. Нам нужна правда и ничего вместо правды.

С. Кутателадзе